

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ литературы

Июль – Август 2015

В НОМЕРЕ:

**Поколение XX съезда:
интервью Андрея Вознесенского и Василия Аксенова**

**Западное литературоведение XIX века:
статьи из энциклопедии**

Пушкин и Белкин: история знакомства

О романах Евгения Водолазкина и Андрея Волоса

МОСКВА

Gartenkultur in Russland. Beiträge des Symposiums am Zentrum für Gartenkunst und Landschaftsarchitektur (CGL) der Leibniz Universität Hannover, 9.–11. Mai 2012 / Herausgegeben von Anna Ananieva, Gert Gröning und Aleksandra Veselova // Gartenkunst. 2013. Heft 1.

В настоящее время в мире проводится немало конференций и научных семинаров, тематика которых не ограничивается одной областью науки. Междисциплинарный подход действительно позволяет посмотреть на проблему с самых разных точек зрения. Углубленности взгляда помогает и совмещение национальной и европейской перспектив. Воплощением такого подхода стал международный симпозиум по русской садово-парковой культуре, проведившийся в университете им. Лейбница в Ганновере 9–11 мая 2012 года, по материалам которого на немецком языке составлен этот сборник.

Материалом исследования для авторов статей послужили главным образом художественные тексты; вместе с тем почти все авторы широко используют междисциплинарный подход, подсказанный самой тематикой симпозиума. Круг вопросов, затронутых в статьях, достаточно широк, но вместе с тем и вполне конкретен: как в России формировалась садовая культура, какие тенденции этому способствовали, какие принципы преобладали, какую роль играли и продолжают играть сады и парки в искусстве и повседневной жизни. Для ответов на эти вопросы авторы сборника кроме литературоведения обращаются к разным областям науки — парковедению, театроведению, музыкоznанию, истории искусства, этнографии, а также привлекают различные виды искусств — музыку, архитектуру. Специфика поднятой проблемы предполагает также использование наглядного иллюстративного материала, которое составляет несомненное достоинство сборника: когда берешь в руки книгу, моментально бросается в глаза огромное количество иллюстраций — картины, гравюры, фотографии, карты и чертежи.

Идея совместной работы исследователей из Германии и России — не просто дань традиции «Русских недель» в Германии, в рамках которых проводился симпозиум, а логичный этап, обусловленный значительным влиянием немецких садоводческих традиций на русскую культуру. В сборник включены статьи немецких авторов, а также немецкие переводы с русского и датского, сделанные, в частности, одним из составителей и авторов сборника А. Ананьевой.

Сборник вполне логично поделен на пять разделов. Первый раздел вводит нас в историю садово-парковой культуры в России с XVIII до середины XX века, затем мы переносимся в то время, когда парковая культура только начинала развиваться. В отдельную группу объединены статьи о некоторых садах: парк в селе

Шаблыкино Орловской губернии (статья Г. Гренинга), проекты садов Г. Куфальдта (М. Нащокина). Особый интерес представляет четвертый раздел, в котором раскрывается связь садово-паркового искусства с другими видами искусств: с музыкой (К. Фламм), с театром (О. Купцова), с иллюминациями и фейерверками как способами создания праздничного пространства (И. Пашинская). Статьи последнего раздела обращаются непосредственно к теме, которая, впрочем, затрагивается почти в каждой статье, — отражение садового искусства в произведениях литературы.

Если говорить об истории садово-паркового искусства, то необходимо выделить статью А. Ананьевой — она представляет собой экскурс не только в историю вопроса, но и в основную проблематику всего сборника. История искусства садов и парков в России имеет свои особенности. Так, весьма специфичен период конца XIX — начала XX веков, воспринимавшийся современниками как время упадка, но на самом деле ставший новым взлетом садово-парковой культуры, а также источником вдохновения для поэтов, художников, архитекторов, — о нем говорится в статьях Е. Дмитриевой и Б. Соколова. Советский этап проиллюстрирован К. Кухер на примере московского Парка им. Горького, ставшего прототипом «парков культуры» для всего Советского Союза.

Отдельным вопросом является формирование языка садоописания, садовой терминологии, о чем подробно пишет А. Веселова. Формирование это первоначально шло в ходе практического освоения приемов садового искусства, и только во второй половине XVIII века появляются переводы английских, немецких и французских трактатов о садоводстве. Работа с приглашенными мастерами и чтение переводных источников неизбежно приводили к отсутствию единой терминологии, путанице понятий, непониманию источника. Эту проблему подхватывает статья М. Флориан, посвященная переводам трудов К. К. Л. Хиршфельда и Й. Л. Мансы по теории образцового сада и его элементов на немецкий, датский и русский языки.

Учитывая тесное взаимодействие русских и зарубежных мастеров и стремление перенять иностранный опыт, естественным образом возникает вопрос определения и описания специфики «русского» стиля. Ответ на него дает М. Келер, исследующий историю формирования и развития русского национального стиля и обративший внимание на то, что творческие эксперименты нередко были связаны с победами в войнах. Здесь следует упомянуть и статью А. Шенле, содержащую анализ идей М. Бакунина относительно русского сада. В связи с вопросом о садовой стилистике большой интерес представляет статья А. Реймана, в которой рассмотрено формирование и смена различных стилей на примере комплекса Аничковой усадьбы в Санкт-Петербурге, испытавшего

на себе разные этапы развития садового искусства — от садов императорской резиденции до «Сада отдыха» при Ленинградском Дворце пионеров.

Усадьба и связанное с ней пространство сада стали неотъемлемой частью русского литературного быта, формируя особое пространство русской классической литературы. А. Ананьева упоминает о том, как формировался особый феномен русской культуры — «дворянское гнездо», которое станет ключевым пространством для литературы XIX века. З. Тилкинг говорит о лете в усадьбе как особой форме литературной жизни, нашедшей отражение в произведениях Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, а также Т. Манна. У А. Чехова и В. Набокова образ сада нередко оказывается связан с жизненными утратами, о чем пишет И. Шниттер.

Рядом возникает еще одна важнейшая тема, хоть и не выделенная в особый раздел, — это тема сада как мифологического топоса. О мифологических представлениях и поэтических аллегориях подробно говорит В. Колосова, рассматривая образ сада и символику садовых растений в славянском фольклоре. Сад — это всегда пограничное пространство между культурой и природой, возделанным и диким, «своим» и «чужим», в воображении людей связываемое с переходом человека в иное состояние или в иной мир. Миофаторческому потенциалу сада непосредственно посвящена статья Е. Дмитриевой, в которой анализируются не только мифологические представления, имплицитно присущие пространству сада, но и возникновение новой культурно-исторической мифологемы, связанной с восприятием прошлого как безвозвратно утраченного золотого века и сопутствующими апокалиптическими настроениями.

Фольклорным представлениям, связанным с садом и садовыми растениями, уделяет внимание и К. Шарафадина, рассматривая поэтолгию садоустроительных проектов нескольких литературных героев. Связанные с растениями образы, возникающие в воображении Бальзаминова, Раскольникова, Обломова, Софьи Фамусовой и Татьяны Лариной, ассоциативно связаны с темой любви и сватовства. Правда, от них отличается Раскольников, который, сам того не понимая, мысленно состязается с Петром I в идеях по расширению Летнего сада.

Действительно, даже тогда, когда функция сада, казалось бы, не имеет ничего общего с мифологическим видением мира, особенности его семантики всегда определяют ту роль, которую пространство сада играет в жизни. Это попытка человека создать уголок подчиненной ему природы или, по крайней мере, иллюзию подчинения. Об этом говорит А. Шенле, главный предмет интереса которого — восприятие идей Руссо в России. Речь идет о противопоставлении английского, «дикого» сада, выражающего естественные побуждения души, искусственноому, строго организованному

саду как идеологизированному пространству. С возможностью придать садово-парковому пространству желаемую форму и смысловое наполнение связаны и другие его функции — это и демонстрация мощи политической власти (А. Ананьева), и видение сада как способа воспитания «нового человека» (К. Кухер).

Смысл, которым человек насыщает свою жизнь, всегда находит отражение во внешнем виде садов и парков, и, наоборот, сады и парки формируют восприятие действительности. Одни придают садам форму, другие находят в ней отклик на свои мысли и чувства. Об этом идет речь в статье С. Савицкого, который упоминает эссе Лидии Гинзбург «Мысль, описавшая круг», где герой во время прогулки предается размышлению, как будто отдающимся в окружающем его пустынном, заснеженном пейзаже. Для Л. Гинзбург это означало открытие метода наблюдений над советской социальной реальностью.

Хотелось бы еще раз отметить, какой широкий материал использован авторами сборника: это и литературные тексты, и литографии художников, и иллюминированные травники, и тексты фольклорных произведений разных славянских народов, а также этнографические описания обрядов. Все это свидетельствует о разностороннем подходе, присущем как каждой отдельно взятой статье, так и сборнику в целом.

Совместный русско-немецкий культурный проект прежде всего сосредоточен на русской культуре, феноменах русского быта, но адресован он немецкому читателю. С этим неизбежно связаны трудности перевода, передачи привычных нам понятий на немецкий язык. Как, например, объяснить немецкоязычному читателю, что такое русская усадьба? Эквивалент, который используют авторы сборника — *Landsitz*, вполне удачен, и все же сам по себе не дает полного представления о комплексе ассоциаций, которые возникают в нашем сознании. То же самое с «поместьем» — *Landgut*. С «имением» — *Landbesitz* — казалось бы, все просто, но неужели смысл исчерпывается значением землевладения? А как быть с «огородом», во внутреннюю форму которого как раз и вложены представления о границе, отгороженности от внешнего мира? И в этом смысле сборник имеет еще одну неоспоримую ценность, о которой нельзя не упомянуть. Его можно воспринимать как словарь понятий и концептов русской культуры, и хотя они трудно переводимы, их смысловое наполнение в полной мере раскрывается на страницах книги.

О. ПОПОВА